

Социокультурные измерения модернизации и экономическое развитие европейских обществ: Украина в координатах ценностей и идентичности¹

Аннотация

В статье подтверждается связь между фундаментальными показателями экономического развития европейских обществ и социокультурными измерениями модернизации, охватывающими эмансипационные ценностные ориентации, гражданскую идентичность и степень индивидуальной ответственности. Вместе с тем такая связь с позитивным отношением к конкуренции не прослеживается. По результатам анализа данных четвертой (2008–2010) волны Европейского исследования ценностей (EVS) установлено соотношение современной гражданской идентичности (в противовес архаической) и эмансипационных ценностей для 42 европейских стран, продемонстрирована структура населения этих стран по критерию типа включения других и определено место Украины по этим параметрам в общеевропейском контексте. Хотя уровень гражданской идентичности в Украине близок к среднеевропейскому значению, что может быть благоприятным фактором для модернизации, эмансипационные ценности здесь, в отличие от развитых стран, не связаны с гражданской идентичностью.

Сравнительный анализ социокультурных измерений модернизации дополняет другие исследования институциональных и экономических изменений и позволяет лучше оценить перспективы и препятствия на пути развития Украины.

¹ В статье использованы материалы исследования, проведенного в рамках научно-исследовательской темы № 16БФ017-01 факультета социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, а также темы “Социокультурное измерение модернизации экономики Украины (I этап: Актуальность социокультурных параметров экономической модернизации)”, которая разрабатывалась в соответствии с Распоряжением Президиума НАН Украины № 142 от 05.03.2014 года.

Ключевые слова: модернизация, экономическое развитие, гражданская идентичность, ценности, индивидуальная ответственность, включение других

Спустя 25 лет после обретения независимости для Украины остается актуальным осуществление успешной модернизации. Современные социальные теории рассматривают модернизацию в трех взаимосвязанных измерениях: экономического развития, институциональных изменений (в частности, демократизацией политической системы) и формирования эмансипационных ценностей [Головаха, 2013].

Приоритетным направлением осуществленных исследований является макроэкономический и институциональный анализ. Д.Норт, Д.Уоллис и Б.Уайнгаст указывают на общую мировую тенденцию, согласно которой для эффективного экономического развития нужны институциональные изменения и переход от социального порядка ограниченного доступа к порядку открытого доступа [North, 2009]. Д.Аджемоглу, Дж.Робинсон, С.Джонсон и др. демонстрируют на глобальном уровне, что характеристики социальных институтов определяют либо успешность страны, либо путь к “несостоятельному государству” (“несостоявшему государству”) [Acemoglu, 2005; Acemoglu, Robinson, 2012; Messner, 2015]. В частности, важную роль играют формы институтов — доминирование институтов частной собственности или “экстрактивных” (extractive) институтов [Acemoglu, Johnson, 2001; Reevaluating, 2009]. Анализируя опыт модернизации в Украине, В.Дубровский, Я.Ширмер, В.Грейвс-Третий и др. определили институциональные препятствия развитию в условиях “рентоориентированного” общества [Рушійні сили, 2010].

С другой стороны, имеются эмпирические подтверждения того, что в мировом масштабе изменения ценностных ориентаций (социокультурное измерение модернизации) предшествуют институциональным изменениям [Inglehart, 2005; Inglehart, 2009; Inglehart, 2010; Распутывание связей, 2012]. Современное общество эпохи позднего модерна (“late modernity”) не только характеризуется комплексом свойств его институтов, форм производства, социальной структуры и культуры, но и предлагает определенный ценностный ориентир. Нацеленность на этот ориентир, исторически сформировавшийся и постоянно обновляющийся, создает возможности для эффективного регулирования в социетальной системе, однако не гарантирует его [Saveljev, 2013].

Поэтому наряду с экономическим ростом и институциональными изменениями в процесс модернизации и развития неразрывно с ними встроены *социокультурные измерения* — эмансипационные ценностные ориентации, рациональная парадигма мировосприятия, индивидуальная ответственность, доверие, солидарность, критическое мышление, гражданская активность и т.п. Универсальные современные измерения всегда связаны с конкретно-историческими условиями и воплощаются через национальный контекст. Это порождает специфические конфигурации и может приводить к социальным дисфункциям и конфликтам. Соответственно, выявление таких конфигураций, сложившихся в Украине, является актуальной исследовательской задачей.

В свое время Э.Либанова выявила взаимосвязи ценностных ориентаций населения Украины с социально-экономической ситуацией в стране и госу-

дарственной политикой [Лібанова, 2008]. О. Балакирева, В. Гейц, В. Сиденко и др. определили ценностно-нормативные основания и детерминанты модернизационных процессов на микро- и макроуровне и представили оценку рисков и потенциальных угроз ценностной неоднородности украинского общества [Ціннісна складова, 2014]. Также рассматривалась связь системы ценностей по методологии Г. Хофстеде с показателями социально-экономического и политического развития Украины и обосновывалась необходимость стратегии целенаправленной трансформации ценностей украинского общества [Базові культурні особливості, 2015]. В целом “ценностное сознание, присущее большинству населения Украины, все еще основывается преимущественно на традиционализме и консерватизме, существенно не изменившись за годы независимости” [Головаха, 2013: с. 131]. Поэтому не удивительно, что по характеру ценностных ориентаций (методика Ш. Шварца) Украина существенно отличается от большинства европейских стран [Магун, 2007].

Впрочем, социокультурные измерения модернизации не ограничиваются одной лишь системой ценностей. Важным измерением модерна является активное участие дееспособных социальных агентов в жизни общества [Савельев, 2013], а также социальный капитал и уровень патерналистских ожиданий населения [Ціннісна складова, 2014].

Эта статья продолжает предыдущие исследования и имеет целью проверить в общеевропейском контексте наличие связи между ключевыми социокультурными измерениями модернизации и фундаментальными показателями экономического развития, а также выявить особенности соотношений между отдельными социокультурными измерениями. Кроме эмансипационных ценностных ориентаций в статье на уровне стран рассматриваются гражданская идентичность и связанный с ней тип включения других, степень индивидуальной ответственности, отражающая процесс приобретения полномочий (*human empowerment*), и отношение к конкуренции. Определяется соотношение современной гражданской идентичности (в противовес архаической) и эмансипационных ценностей для 42 европейских стран, демонстрируется структура населения этих стран по критерию типа гражданской идентичности и включения других¹.

Для анализа использованы данные Международного валютного фонда, Мирового экономического форума и четвертой (2008–2010) волны Европейского исследования ценностей [EVS, 2011]. Выборка репрезентативна для населения в возрасте от 18 лет. Всего анализ охватывает 42 страны, в которых совпадают релевантные для исследования вопросы, что в совокупности охватывает 62 157 респондентов, в том числе в Украине 1507 опрошенных в 2008 году.

Экономическое развитие измеряется показателем ВВП на душу населения (в международных долларах по паритету покупательной способности) и интегрированным индексом конкурентоспособности, который рассчитывается Мировым экономическим форумом (WEF) для выбранных стран, кроме Беларуси [International Monetary Fund, 2014; The Global Competitiveness Index, 2008].

¹ О концепции социального включения см.: [Савельев, 2012; Савельев, 2015].

Социокультурные измерения модернизации сравниваются между странами как средние значения соответствующих показателей национальных выборок четвертой волны Европейского исследования ценностей (EVS). В соответствии с индикаторами Европейского исследования ценностей (EVS) отношение к индивидуальной ответственности измеряется по шкале от 1 до 10, где 1 означает, что “люди должны больше отвечать за свое обеспечение”, а 10 — “государство должно брать больше ответственности для гарантии обеспечения каждого”. Отношение к конкуренции измеряется по шкале от 1 до 10, где 1 означает, что “конкуренция — это хорошо”, а 10 — “конкуренция вредна” [EVS, 2011]. Показатель гражданской идентичности / типа включения других рассчитывается на основе имеющихся индикаторов Европейского исследования ценностей по формуле, которая будет объяснена ниже.

Эмансипационные ценностные ориентации измеряются по известной методологии Р.Инглгарта и тоже представлены показателями Европейского исследования ценностей [Inglehart, 2005; Распутывание связей, 2012]. Согласно данной методологии индикатором для их измерения являются постматериалистические приоритеты индивидов над материалистическими. Р.Инглхарт, К.Вельцель и Г.-Д.Клингеман указывают на то, что постматериалистические ориентации по своей сути являются эмансипационными ценностями. Они справедливо подчеркивают, что разные авторы применяют различную терминологию, говоря о “либеральных”, “постматериалистических”, “антропоцентрических” ценностях или о “ценностях самовыражения”, однако все эти теории описывают единый процесс замены “традиционных конформных ценностей, которые подчиняют человеческую автономию дисциплине сообщества, ...ценностями освобождения, которые делают акцент на выборе человека. Соответственно мы характеризуем этот процесс как эмансипационную смену ценностей” [Welzel, 2003: p. 342].

Распространенность таких ценностей в обществе служит важной характеристикой процесса модернизации, поскольку согласно разработанной модели следует ожидать, что экономический рост и повышение материального благосостояния должны сопровождаться формированием именно эмансипационных ценностей [Inglehart, 2005; Inglehart, 2010].

Дескриптивный анализ эмансипационных ценностей демонстрирует, что в Украине они менее распространены, чем в подавляющем большинстве европейских стран (см. табл. 1). Индекс постматериалистических ценностей, которые измеряются по трехбалльной шкале от 1 до 3, где 1 — это материалистические ориентации, а 3 — постматериалистические ориентации, в Украине равен 1,54, что на полтора стандартных отклонения меньше средневропейского значения. Аналогичный с Украиной показатель имеет Молдова, а в России люди меньше всего среди жителей Европы разделяют эмансипационные ценности. К этой группе обществ также принадлежат некоторые Балканские, восточноевропейские и средиземноморские страны. На противоположной стороне — развитые общества Западной Европы¹.

¹ Рейтинг 42 стран возглавляет Азербайджан. Однако этот случай вызывает сомнения, поскольку за десять лет до этого его индекс равнялся всего 1,42 — то есть он находился на противоположном конце рейтинга. Сравнение результата 2008–2010 годов с другими показателями этой страны дает основания для вывода о том, что это значение не является валидным.

**Экономические и социокультурные показатели модернизации
в европейских странах, 2008–2010**

Страна	Индекс конкурентоспособности, 2007–2008	ВВП (ППС) на душу населения, 2008 (международный доллар)	Эмансипационные ценности (среднее)	Модерная идентичность / тип включения других (среднее)	Важность уважения к политическим институтам и законам (среднее)	Важность иметь предков в стране (среднее)	Отношение к индивидуальной ответственности (среднее)	Отношение к конкуренции (среднее)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Австрия	5,23	39634	1,86	5,01	3,57	2,9	4,2	4,06
Азербайджан	4,07	8620	2,13	2,42	3,21	3,55	6,59	6,29
Албания	3,48	6859	1,72	1,88	3,14	3,54	4,45	3,76
Бельгия	5,1	36235	2,01	5,71	3,58	2,68	5,03	4,67
Беларусь	–	12291	1,63	4,12	3,32	3,08	4,83	3,89
Болгария	3,93	12341	1,60	1,78	3,33	3,56	5,15	3,19
Босния и Герцеговина	3,55	7611	1,60	2,60	2,79	3,12	5,10	4,00
Великобритания	5,41	36523	2,08	3,73	3,58	3,25	3,83	3,66
Армения	3,76	5273	1,76	3,06	3,46	3,37	5,35	4,31
Греция	4,08	30535	1,88	1,99	3,5	3,51	5,49	4,41
Грузия	3,83	4863	1,68	1,42	3,24	3,6	6,66	3,25
Дания	5,55	37266	2,08	5,92	3,75	2,79	4,73	3,98
Эстония	4,74	20259	1,75	3,11	3,25	3,34	5,04	3,93
Ирландия	5,03	42539	1,72	2,62	3,44	3,43	4,19	3,91
Исландия	5,02	40025	1,99	5,52	3,43	2,74	4,89	3,08
Испания	4,66	30621	1,78	4,97	3,55	2,78	5,59	4,86
Италия	4,36	30581	2,01	5,4	3,69	2,97	5,75	4,45
Кипр	4,23	29830	1,78	1,27	3,69	3,71	4,81	4,56
Латвия	4,41	17071	1,76	3,34	3,25	3,27	5,63	3,89
Литва	4,49	18946	1,76	2,83	3,05	3,23	4,86	4,5
Люксембург	4,88	82306	1,8	7,07	3,63	2,1	4,47	4,52
Македония	3,73	9157	1,78	1,92	3,68	3,58	5,78	3,95
Мальта	4,21	23760	1,69	2,09	3,65	3,51	4,71	3,04
Молдова	3,64	3174	1,53	2,58	3,22	3,33	4,66	3,82
Нидерланды	5,40	40431	2,08	6,64	3,49	2,26	4,80	4,55
Германия	5,51	35442	2,00	4,24	3,61	3,12	4,28	3,57
Норвегия	5,20	53451	2,06	6,62	3,77	2,50	4,86	3,51

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Польша	4,28	17482	1,71	1,80	3,20	3,51	5,27	4,41
Португалия	4,48	22190	1,60	2,89	3,40	3,30	4,48	4,37
Россия	4,19	15922	1,43	2,24	3,37	3,51	5,50	4,51
Румыния	3,97	12580	1,65	2,25	3,41	3,47	3,9	3,04
Словакия	4,45	22040	1,72	4,37	3,62	3,06	4,81	3,60
Словения	4,48	29472	1,92	3,9	3,69	3,29	5,19	3,90
Турция	4,25	13138	1,72	1,64	3,54	3,60	5,31	4,41
Венгрия	4,35	19499	1,75	2,41	3,32	3,47	5,44	4,29
Украина	3,98	7347	1,54	3,06	3,39	3,27	5,85	4,72
Финляндия	5,49	36217	1,99	5,39	3,77	2,9	4,55	4,53
Франция	5,18	34208	1,87	6,37	3,81	2,52	4,60	4,99
Хорватия	4,20	18545	1,81	2,71	3,28	3,35	5,12	3,92
Чешская Республика	4,58	25395	1,80	3,29	3,34	3,22	4,78	3,88
Швейцария	5,62	42783	1,90	6,43	3,62	2,41	4,05	3,87
Швеция	5,54	37245	2,13	6,31	3,68	2,51	4,19	3,66
<i>Среднее</i>	<i>4,55</i>	<i>25469</i>	<i>1,81</i>	<i>3,69</i>	<i>3,46</i>	<i>3,15</i>	<i>4,97</i>	<i>4,09</i>
<i>0,75-квантиль</i>	<i>5,10</i>	<i>36230</i>	<i>1,97</i>	<i>5,3</i>	<i>3,63</i>	<i>3,50</i>	<i>5,34</i>	<i>4,49</i>
<i>0,25-квантиль</i>	<i>4,08</i>	<i>12719</i>	<i>1,71</i>	<i>2,29</i>	<i>3,32</i>	<i>2,90</i>	<i>4,56</i>	<i>3,78</i>

Источник: EVS (2011). European Values Study 1981–2008, Longitudinal Data File; International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, April 2009; The Global Competitiveness Report 2009–2010, Geneva: World Economic Forum, 2009.

Согласно модели модернизации Р.Инглхарта, вполне предсказуемо, что в более обеспеченных обществах больше постматериалистов, ориентированных на эмансипационные ценности. Однако из этой тенденции есть исключения — Россия имеет ВВП на душу населения, равный или превышающий уровень многих стран Восточной Европы, но значительно уступает им по распространенности эмансипационных ценностей. Люксембург, Швейцария и Ирландия имеют показатель ВВП на душу населения выше, чем большинство стран, а по показателю эмансипационных ценностей они близки к среднеевропейскому значению и подобны по нему Армении, Кипру или Македонии.

Если в Украине в ходе наблюдений с середины 1990-х годов уровень распространения эмансипационных ценностей практически не изменился [Savel'ev, 2014], то поддержка индивидуальной ответственности в обществе стала гораздо выше, поскольку среднее значение ожидания гарантий государства в пользу ответственности каждого человека снизилось с 7,6 в 1996 году до 5,9 в 2008-м (см. табл. 2).

Людей, возлагающих основную ответственность на самого человека, стало вдвое больше — с 14,4% в 1996-м до 29,7% в 2008-м, тогда как тех, кто возлагает основную ответственность на государство, стало почти в два раза меньше — 34,0% вместо 59,9%.

Впрочем, если сравнить Украину с другими европейскими странами, поддержка индивидуальной ответственности остается одной из наименее распространенных в Европе (см. табл. 1). Патерналистские ожидания более распространены только в Азербайджане и Грузии, а показатель Украины аналогичен показателям других восточноевропейских (Латвия, Венгрия, Польша) и южноевропейских стран, в частности: Италии, Испании и Греции. Меньше всего полагаются на государство в Великобритании, Румынии, Швейцарии, Швеции, Ирландии, Австрии и Германии. Как было показано в предыдущих исследованиях, патерналистские ожидания не являются благоприятным социокультурным фактором модернизации Украины [Ціннісна складова, 2014].

Таблица 2

**Динамика отношения к индивидуальной ответственности
и отношения к конкуренции в Украине, 1996–2008***

Год проведения исследования	Отношение к индивидуальной ответственности	Отношение к конкуренции	Количество опрошенных респондентов
1996	7,55	3,78	2691
1999	6,13	4,14	1171
2008	5,85	4,72	1487

* Средние значения по шкале от 1 до 10, где 1 означает, что “люди должны больше отвечать за свое обеспечение”, а 10 — “государство должно брать больше ответственности для гарантии обеспечения каждого”; 1 означает, что “конкуренция — это хорошо”, 10 — “конкуренция вредна”

Источник: EVS (2011). European Values Study 1981–2008, Longitudinal Data File; WVS (2009). World Value Survey 1981–2008 official aggregate.

Также по сравнению с другими европейскими странами в Украине люди более склонны усматривать в конкуренции скорее вред, чем пользу (см. табл. 1). Однако в этом случае отношение к конкуренции неоднозначно и во многих развитых западноевропейских странах. Наряду со средиземноморскими Италией, Испанией, Грецией и Кипром (хотя Мальта является лидером позитивного отношения) восприятие конкуренции оказалось относительно негативным во Франции, Бельгии, Нидерландах, Финляндии, Люксембурге, а также в некоторых восточноевропейских обществах. Напротив, более благоприятной конкуренцию считают в Румынии, Исландии, Болгарии и Грузии.

Интересно, что, в отличие от отношения к индивидуальной ответственности, поддержка которой в Украине за годы наблюдений возросла, восприятие конкуренции ухудшилось (см. табл. 2). Если в 1996 году 53% опрошенных склонялись к позитивной оценке конкуренции, то в 2008-м таковых оказалось менее 38%. Соответственно с 15,1% до 25,7% увеличилась доля тех, кто преимущественно оценивал конкуренцию как вредное явление. Таким образом, тенденция 1990–2000-х годов в Украине противоречива.

Кроме отмеченных социокультурных показателей, являющихся важными характеристиками потенциала модернизации общества, мы также предлагаем новый подход исследования гражданской идентичности, определяющей практики включения других и служащей основой для рациональной коммуникации. Кроме того, необходимо выяснить, как современная гражданская идентичность связана с эмансипационными ценностями в разных европейских обществах.

В предыдущих исследованиях рассматривались этническая, национальная, социальная и территориальная идентичности [Макеев, 1996; Коваліско, 2006; Пелагеша, 2008; Коржов, 2010]. Если противопоставлялись этническая и гражданская идентичности, то под последней понимали государственную наднациональную идентичность (гражданство страны) [Дробижева, 2007]. Однако современные и архаические практики определения своей группы и включения других как отождествления тех, кого можно отнести к своей группе, не различаются.

Критерием такой дифференциации являются гражданский (*civil*) и первичный (*primordial*) типы социальной связи, определяющие основы солидарности и идентификации в группе [Geertz, 1973]. Первичные связи формируются на основе родословной, языка, этноса, расы, территориальной или религиозной общности, тогда как гражданские связи “более опосредованные и абстрактные”, и вместо биологических или географических данностей они основываются на нормативных “этических признаках, ассоциирующихся с социальными функциями и институтами” [Alexander, 1980: p. 7–8].

Важно, что появление и распространение гражданских связей и соответствующая трансформация основ солидарности характеризуют процесс модернизации [Alexander, 1980]. Иными словами, развитие гражданской сферы и идентичности является свойством общества модерна и приобретает особый вес в современный период. В современных обществах, которые становятся все более гетерогенными, социальное взаимодействие оптимизируется именно через гражданскую идентичность, когда люди определяют себя “как индивидов и граждан, а не как членов этнических групп” [Kivisto, 2002: p. 20]. Вместе с тем часть населения сохраняет приоритет традиционных идентичностей.

Таким образом, в данном исследовании мы рассматриваем современную гражданскую идентичность и связанное с ней включение других как свободное от отношения к личностным частным характеристикам человека (происхождению, конфессиональной принадлежности, культурным традициям, ценностям, предпочтениям и т.п.). Распространение гражданской идентичности может приводить к повышению уровня толерантности в современном обществе [Савельев, 2015]. В свою очередь, повышение толерантности оказывает положительное влияние на экономическую модернизацию [Shcherbak, 2013]. В то же время возникает вопрос о рамках толерантного отношения и здравом смысле в плане излишней снисходительности в некоторых случаях. Принцип современной гражданской идентичности исчерпывающе решает этот вопрос, поскольку главным критерием включения других (толерантности) является **соблюдение ими действующих в этом обществе норм и законов**. В противовес этому принципу культуроцентрические и этноцентрические практики сегодня являются архаическими и прежде всего акцентированы на такой разновидности групповой идентичности, как этническое (территориальное) происхождение.

Согласно индикаторам Европейского исследования ценностей (EVS) [EVS, 2011], современная гражданская идентичность (включение других) может измеряться вопросом о том, насколько важен факт уважения политических институтов и законов страны для человека, чтобы его можно было считать настоящим гражданином (например, настоящим украинцем, русским, поляком, итальянцем и т.п.). Диаметрально противоположная пози-

ция, которая отражает архаическое включение других (что было типичным для эпохи раннего модерна, когда возникли национальные государства), но своими корнями уходящая в домодерные трибалистские общества, воплощается в требовании иметь предков (вести свою родословную) в определенной стране, чтобы считаться ее настоящим гражданином (представителем). Значимость этих требований фиксировалась по четырехбалльной шкале, для удобства в обратном перекодированном порядке: 4 — “очень важно”, 3 — “скорее важно”, 2 — “не важно”, 1 — “совсем не важно”.

По обоим измерениям современной и архаической идентичности оценки “очень важно” и “скорее важно” преобладают в большинстве стран, хотя гражданская сфера (среднее 3,5) несколько перевешивает национальную идентичность — среднее 3,2 (см. табл. 1). Также существует группа из 13 развитых западноевропейских стран, в которых национальное происхождение менее важно, чем уважение к институтам и законам. Украина в обоих случаях имеет показатели, близкие к среднеевропейским значениям.

Но поскольку подавляющее большинство респондентов ответили, что важны оба требования, то для того, чтобы выделить именно современный тип включения других на основании гражданской идентичности, нами был создан обобщенный показатель, в котором учитываются варианты ответа респондента на оба вопроса. Совокупность значений этого показателя является результатом умножения оригинальной шкалы одного вопроса (от 1 до 4) на перекодированную шкалу другого вопроса (от 0 до 3):

$$MI = (a_1 \ a_2 \ a_3 \ a_4) \times \begin{pmatrix} b_0 \\ b_1 \\ b_2 \\ b_3 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} a_1 b_0 & a_2 b_0 & a_3 b_0 & a_4 b_0 \\ a_1 b_1 & a_2 b_1 & a_3 b_1 & a_4 b_1 \\ a_1 b_2 & a_2 b_2 & a_3 b_2 & a_4 b_2 \\ a_1 b_3 & a_2 b_3 & a_3 b_3 & a_4 b_3 \end{pmatrix},$$

где MI — показатель современной гражданской идентичности (включения других); a_i — элемент вектора значений уважения политических институтов и законов страны ($i = 1, \dots, 4$); b_j — элемент вектора значений важности наличия предков в данной стране ($j = 0, \dots, 3$). Тогда, если $a_1 = 1, a_2 = 2, a_3 = 3, a_4 = 4, b_0 = 0, b_1 = 1, b_2 = 2, b_3 = 3$, то

$$MI = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 \\ 1 & 2 & 3 & 4 \\ 2 & 4 & 6 & 8 \\ 3 & 6 & 9 & 12 \end{pmatrix}.$$

Таким образом, путем умножения двух векторов мы получаем совокупность значений современного включения на основе идентификации своей группы, которые изменяются от 0 до 12, где 0 является минимальным значением современного включения других (архаическая идентичность), а 12 составляет максимальное значение современного включения других (гражданская идентичность). То есть для такого современного отношения неприемлемо нарушение законов и неуважение к действующим институтам, тогда как национальное и территориальное происхождение человека не имеет никакого значения. В результате предложенного преобразования двум ответам, выбранным каждым респондентом на отдельные вопросы касательно уважения политических институтов и законов страны и требования иметь предков, соответствует один определенный элемент совокупности.

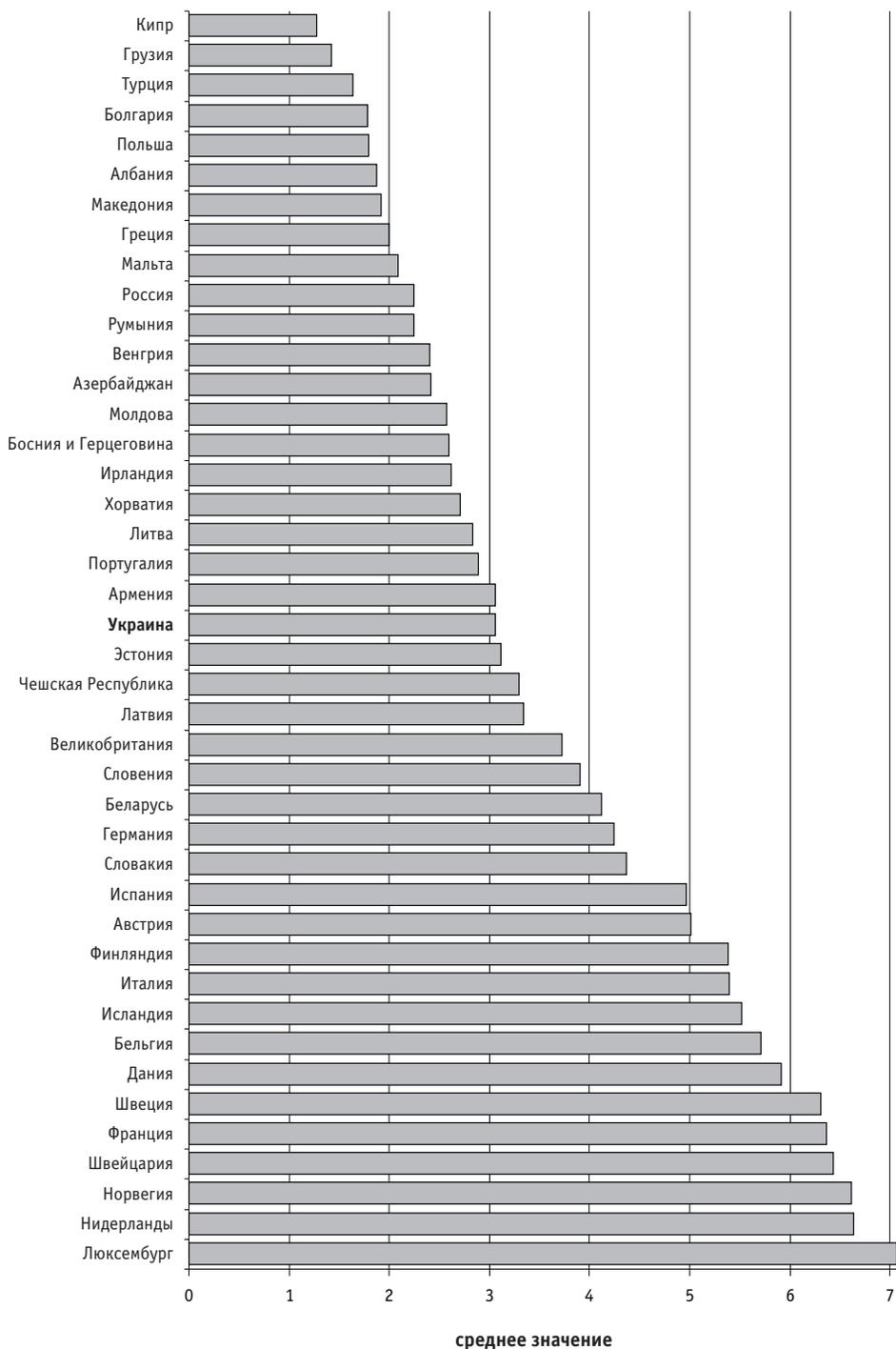

Рис. 1. Показатель современной идентичности / типа включения других в европейских странах, 2008–2010 (шкала от 0 до 12, среднее)

Источник: EVS (2011). European Values Study 1981–2008, Longitudinal Data File.

Применение национальных средних значений полученного показателя современного включения других позволяет ранжировать европейские общества (рис. 1). Наиболее архаичные идентичность и практики включения присущи отдельным странам юга Европы (кроме Италии и Испании), в частности балканским, а также Польше, России и Венгрии. Украина имеет значение 3,1 (подобно Армении и Эстонии), что ниже среднеевропейского значения, которое составляет 3,7 со стандартным отклонением 1,7.

Среди стран бывшего СССР только Беларусь имеет значение выше среднего европейского — 4,1. Среди постсоциалистических обществ Восточной Европы это Словения и Словакия. Лидерами по современному отношению являются страны Бенилюкса, скандинавские страны, Швейцария и Франция.

Этот показатель является средним общенациональным значением. Фактически он отражает существование в каждом обществе четырех отдельных групп, представители которых разделяют определенную идентичность и соответствующие практики включения в свою группу. Это группа современного гражданского включения, для которой уважение политических институтов и законов страны “очень важно” и “скорее важно”, происхождение “не важно” или “совсем не важно”. Вторая группа — смешанного включения, для представителей которой “очень важными” и “скорее важными” являются оба критерия. Третьей группе присуща позиция “потакания”, поскольку для нее ни один из указанных критериев не является важным. Последнюю группу можно определить как антимодерную с единственным архаическим критерием наличия предков для статуса настоящего гражданина (представителя страны), необходимого для включения, и пренебрежительным отношением к гражданскому включению. Со своей стороны антимодерная идентичность может быть умеренной или радикальной, если уважение к законам и институтам приобретает минимальное значение, а родословная — максимальное.

В таблице 3 приведено распределение по этим группам в 42 европейских странах. Главным образом оно совпадает с ранжированием стран согласно обобщенному показателю современной идентичности, приведенным на рис. 1. Но по величине антимодерной группы Украина (6%) превышает среднеевропейский показатель 4,9%. Это все равно меньше третьего квартиля и подобно значениям Чехии и Латвии. Самые большие антимодерные группы существуют в Болгарии, Хорватии, Польше и Румынии, а тройку лидеров со значительным отрывом составляют Грузия, Азербайджан и Босния и Герцеговина. Последняя еще уникальна по размеру индифферентной группы (20%), что может быть следствием войны 1990-х годов и свидетельствует о дезинтеграции общества. В десяти европейских странах доля людей с глубоко современным отношением превышает 50%. В Норвегии, Швейцарии и Франции антимодерная группа практически отсутствует.

Объединение национального уровня современной идентичности (включение других) и эмансипационных ценностей в европейских странах представлено на рисунке 2. Корреляция между этими социокультурными измерениями общества модерна на уровне показателей стран довольно высока — 0,69. Теория модернизации и культурных изменений предполагает наличие такой связи [Inglehart, 2005]. Однако корреляция в некоторых обществах на уровне индивидов существенно ниже. Поэтому можно увидеть несколько кластеров обществ, характеризующихся особенностями соотношений этих измерений.

Таблица 3

Структура европейских обществ по критерию современной идентичности / типу включения других, 2008–2010*

Страна	Модерная группа	Смешанная группа	Индифферентная группа	Анти-модерная группа	Всего, %	Всего опрошенных
1	2	3	4	5	6	7
<i>Нидерланды</i>	74,2	20,2	4,0	1,6	100	1533
<i>Люксембург</i>	70,5	24,4	3,7	1,3	100	1588
<i>Норвегия</i>	66,6	31,5	1,9	0,1	100	1083
<i>Швейцария</i>	66,0	32,2	1,5	0,4	100	1216
<i>Швеция</i>	61,8	34,2	1,6	2,4	100	1104
<i>Франция</i>	59,2	39,3	1,1	0,5	100	1496
<i>Дания</i>	58,2	39,4	1,5	1,0	100	1477
<i>Исландия</i>	57,5	37,1	3,7	1,6	100	803
<i>Бельгия</i>	54,3	41,5	2,3	1,9	100	1506
<i>Италия</i>	53,2	44,1	1,8	1,0	100	1477
<i>Финляндия</i>	49,4	48,3	0,7	1,6	100	1100
<i>Австрия</i>	46,4	47,9	3,9	1,8	100	1489
<i>Испания</i>	40,2	53,4	4,9	1,6	100	1462
<i>Германия</i>	37,6	58,7	2,6	1,0	100	2009
<i>Словакия</i>	36,5	59,9	2,7	0,9	100	1476
<i>Беларусь</i>	33,8	58,2	4,4	3,6	100	1468
<i>Словения</i>	31,3	62,9	3,6	2,3	100	1354
<i>Великобритания</i>	31,1	64,0	3,3	1,6	100	1517
<i>Латвия</i>	26,3	62,3	5,3	6,1	100	1450
<i>Эстония</i>	25,0	63,3	4,5	7,3	100	1502
<i>Украина</i>	23,0	66,5	4,5	6,0	100	1458
<i>Армения</i>	21,3	68,5	3,4	6,9	100	1490
<i>Чешская Республика</i>	20,7	66,3	6,5	6,5	100	1776
<i>Азербайджан</i>	18,2	63,8	5,2	13,0	100	1496
<i>Ирландия</i>	17,8	75,5	2,2	4,5	100	980
<i>Хорватия</i>	16,7	70,0	4,5	8,8	100	1493
<i>Португалия</i>	16,6	75,5	3,7	4,2	100	1532
<i>Венгрия</i>	14,5	72,5	2,9	10,0	100	1499
<i>Россия</i>	13,8	75,9	2,7	7,6	100	1462
<i>Литва</i>	13,5	72,0	6,2	8,3	100	1409
<i>Молдова</i>	13,3	76,1	3,3	7,3	100	1509
<i>Румыния</i>	12,7	74,6	2,8	9,9	100	1447

1	2	3	4	5	6	7
<i>Босния и Герцеговина</i>	10,4	53,8	20,0	16,0	100	1475
<i>Македония</i>	10,2	87,1	1,4	1,3	100	1465
<i>Албания</i>	9,3	73,8	2,0	15,0	100	1500
<i>Мальта</i>	9,2	88,3	0,8	1,8	100	1485
<i>Турция</i>	8,8	81,9	4,5	4,8	100	2229
<i>Болгария</i>	8,5	80,6	2,2	8,7	100	1441
<i>Греция</i>	7,6	87,4	1,4	3,6	100	1483
<i>Польша</i>	5,7	81,8	3,2	9,3	100	1480
<i>Кипр</i>	5,4	92,2	1,1	1,3	100	985
<i>Грузия</i>	4,4	81,2	2,4	12,0	100	1444
Среднее значение	30,0	61,6	3,5	4,9		
0,75-квантиль	48,6	75,5	4,3	7,5		
0,25-квантиль	12,9	48,0	1,9	1,6		

* Ранжирование по доле современной группы; страны, попадающие в первый или третий квартиль средневропейского значения, выделены курсивом.

Источник: EVS (2011). European Values Study 1981-2008, Longitudinal Data File

Замечу, что Украина превосходит по показателю современной идентичности большинство стран Восточной и Южной Европы, а также Ирландию. Но она значительно уступает другим странам (кроме Молдовы и России) по уровню распространения эмансипационных ценностей и занимает по данному показателю одно из последних мест в Европе. В Украине отсутствует корреляция на индивидуальном уровне между современной идентичностью и эмансипационными ценностями (0,05), тогда как в большинстве других развитых стран и некоторых постсоциалистических обществах она прослеживается: 0,19 в Германии, 0,28 во Франции, 0,21 в Швеции, 0,11 в Польше.

Итак, по социокультурным измерениям модернизации Украина принадлежит к группе обществ, тяготеющих к архаически-традиционным ориентациям населения. Большинство постсоциалистических обществ (вместе с Ирландией) образуют кластер, выделяющийся невысоким уровнем современной идентичности (включения других) и умеренным распространением эмансипационных ценностей. Словения и Словакия ближе к западноевропейским странам. Наиболее гармонично эмансипационные ценности сочетаются с современной идентичностью в Нидерландах и скандинавских странах. Германия и Великобритания, несмотря на значительное распространение эмансипационных ценностей, имеют гораздо более низкий, чем в других западноевропейских странах, уровень современной идентичности.

Гипотезой нашего исследования является связь социокультурных измерений модернизации с экономическим развитием общества. Следует подчеркнуть, что социокультурные измерения модернизации не могут прямо влиять на экономический рост. В соответствии с существующей моделью модернизации социокультурные изменения являются следствием

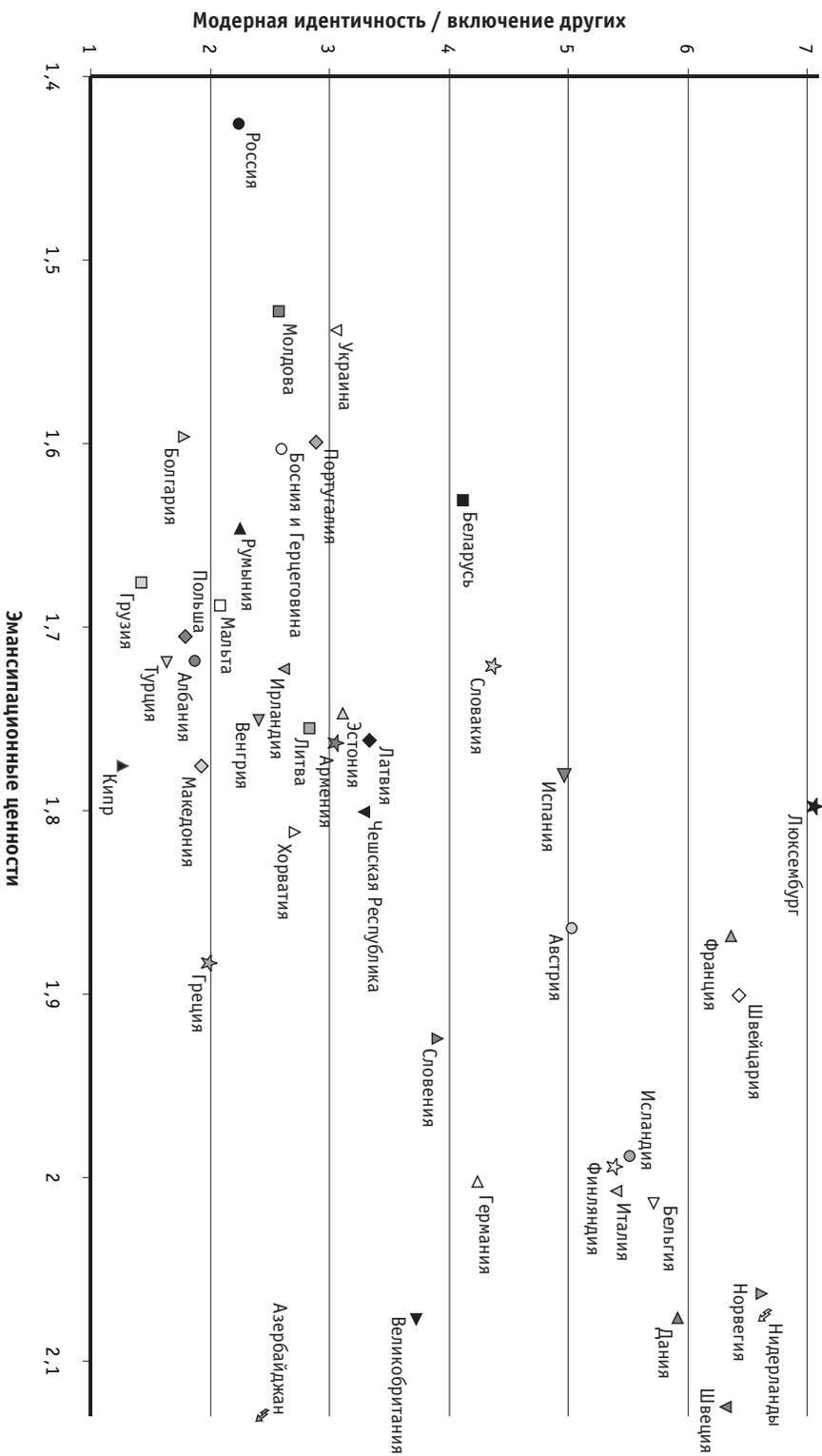

Рис. 2. Эмансипационные ценности и модерная идентичность / тип включения других в европейских странах, 2008–2010 (по средним показателям)
 Источник: EVS (2011). European Values Study 1981–2008, Longitudinal Data File.

такого роста, а не его причиной. Пример Ирландии или Польши, которые, как видно из рисунка 2, не занимают ведущих позиций в Европе, но имеют успешный опыт экономической модернизации. Впрочем, социокультурные особенности обществ могут оказывать обратное влияние и способствовать постоянному экономическому развитию. Наконец, они определяют важные аспекты общественной жизни, например, возникновение или предотвращение гражданских конфликтов, которые, в свою очередь, должны обуславливать экономический подъем или упадок.

Таблица 4

Корреляционная связь экономических и социокультурных показателей в 42 европейских странах, 2008–2010*

Оцениваемые позиции	Индекс конкурентоспособности 2007–2008	ВВП (ППС) на душу населения, 2008 (международный доллар)	Эмансипационные ценности (среднее)	Модерная идентичность / тип включения других (среднее)	Важность уважения политических институтов и законов (среднее)	Важность иметь предков в стране (среднее)	Отношение к индивидуальной ответственности (среднее)	Отношение к конкуренции (среднее)
Индекс конкурентоспособности, 2007–2008	1	0,77	0,68	0,79	0,59	-0,72	-0,53	-0,002
ВВП (ППС) на душу населения 2008 (международный доллар)		1	0,55	0,75	0,60	-0,75	-0,47	0,010
Эмансипационные ценности (среднее)			1	0,69	0,59	-0,59	-0,29	0,001
Модерная идентичность / тип включения других (среднее)				1	0,55	-0,97	-0,36	0,080
Важность уважения политических институтов и законов (среднее)					1	-0,43	-0,28	-0,010
Важность иметь предков в стране (среднее)						1	0,37	-0,080
Отношение к индивидуальной ответственности (среднее)							1	0,390
Отношение к конкуренции (среднее)								1

* Статистически значимые коэффициенты корреляции выделены жирным шрифтом.

Источники: EVS (2011). European Values Study 1981–2008, Longitudinal Data File; International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, April 2009; The Global Competitiveness Report 2009–2010, Geneva: World Economic Forum, 2009.

Сочетание социокультурных измерений с экономическим контекстом обобщено в таблице 4. Экономическое развитие измеряется фундаментальным показателем ВВП на душу населения (в международных долларах по паритету покупательной способности) и интегрированным индексом конкурентоспособности, который рассчитывается Мировым экономическим форумом (WEF) [International Monetary Fund, 2014; The Global Competitiveness Index, 2008]. Эти показатели сильно взаимосвязаны между собой — коэффициент корреляции 0,77. В 2008 году, когда проводился полевой этап Европейского исследования ценностей, Украина по показателю ВВП (ППС) опережала среди европейских стран лишь Албанию, Армению, Грузию и Молдову¹. Индекс конкурентоспособности Украины был относительно лучшим, и она была впереди Румынии, Болгарии, Македонии и Боснии и Герцеговины.

Указанные показатели экономического развития в европейских странах коррелируют с социокультурными измерениями модернизации. Умеренная позитивная связь существует между эмансипационными ценностями и ВВП на душу населения (0,55), а также индексом конкурентоспособности (0,68). Требование уважения политических институтов и законов страны для настоящего представителя страны также позитивно коррелирует с ВВП на душу населения (0,6) и индексом конкурентоспособности (0,59). Напротив, требование иметь предков (вести свою родословную) в данной стране, чтобы считаться ее настоящим гражданином, имеет негативную корреляцию с обоими экономическими показателями: $-0,75$ для ВВП на душу населения; $-0,72$ для индекса конкурентоспособности.

Отношение к индивидуальной ответственности имеет умеренную связь с экономическими показателями развития и слабую — с эмансипационными ценностями и с современной идентичностью. Отношение к конкуренции не связано ни с экономическими, ни с другими социокультурными показателями (умеренная связь существует только с отношением к индивидуальной ответственности). Таким образом, в странах, где выше уровень современной идентичности (включения других), одновременно более высоким является уровень индивидуальной ответственности и более распространенными эмансипационные ценности. Эти страны также имеют лучшее экономическое положение и более высокую конкурентоспособность.

Важно, что обобщенный показатель современной идентичности, который учитывает возможные комбинации архаического и современного отношения, имеет существенно более высокие коэффициенты корреляции с показателями экономического развития, чем отдельный оригинальный вопрос о гражданской сфере (важность уважения институтов и законов): коэффициент корреляции с ВВП на душу населения равен 0,75 (против 0,6), а с индексом конкурентоспособности — 0,79 (по сравнению с 0,59). Это доказывает, что именно современная идентичность, ограниченная гражданской сферой, в большей мере связана с экономической эффективностью страны, чем любые другие практики толерантности и включения других (архаические или смешанные) сами по себе.

¹ Начиная с 2014 года Украина имеет самый низкий показатель в Европе.

Выводы

Итак, экономическое развитие сопряжено с социокультурным измерением модернизации, что предполагает появление все большего количества людей, разделяющих эмансипационные ценности, способных к критическому мышлению и рациональной коммуникации, ответственных и активных в своей гражданской позиции и демонстрирующих готовность к включению других безотносительно к их культурно-национальной идентичности, если они придерживаются норм и уважают институты общества, в котором живут. В то же время во всех европейских обществах современные социокультурные элементы в той или иной степени переплетены с традиционными представлениями и практиками, проявляющимися в виде материалистических ценностных ориентаций, патерналистских ожиданий, противопоставления “своих” и “чужих”, архаических практик включения, основанных на национально-территориальной идентичности.

Анализ данных продемонстрировал, что в украинском обществе по социокультурным измерениям ценностных ориентаций, современной идентичности и отношению к индивидуальной ответственности важным для успешного развития, архаические элементы преобладают над современными, что создает риски для процесса модернизации в целом. В результате было определено место Украины в координатах эмансипационных ценностей и современной идентичности в общеевропейском контексте. Эмансипационные ценности в Украине, в отличие от развитых стран, не связаны с гражданской идентичностью. Впрочем, уровень гражданской идентичности в Украине ближе к среднеевропейскому значению и выше, чем в большинстве стран Восточной и Южной Европы, что могло бы стать позитивным фактором для модернизации. В отличие от существующих подходов мы выявили, в какой мере население Украины разделяет установки именно современной (в противовес архаической) готовности к включению других по сравнению с остальными европейскими странами.

Было подтверждено, что фундаментальные показатели экономического развития в европейских странах имеют позитивную связь с эмансипационными ценностями, отношением к индивидуальной ответственности и, особенно, с современным включением на принципах гражданской идентичности. Вместе с тем отношение к конкуренции не является релевантным индикатором. Поэтому его не следует использовать для измерения потенциала модернизации в Украине [Ціннісна складова, 2014: с. 116]. Современная гражданская идентичность может способствовать повышению доверия и распространению кооперативного поведения, а также предупреждать гражданские конфликты, возникающие на почве различных этнических, территориальных и прочих локальных идентичностей.

Таким образом, сравнительный анализ социокультурных измерений модернизации дополняет другие исследования институциональных и экономических процессов и дает возможность лучше оценить перспективы и помехи развитию Украины на пути модернизации. Была продемонстрирована как важность ценностного измерения модернизации, так и существенное значение измерения гражданской идентичности, остававшееся за рамками фокуса имеющихся исследований.

Можно сделать вывод, что развитие украинского общества и повышение конкурентоспособности экономики более вероятно в условиях распространения уважения к закону и общественным институтам без исключения по принципу кровной связи, “кумовства”, происхождения и разделения на “своих” и “чужих”. Это не только требование модернізації, но и условие выживания в глобальном мире.

Источники

Базові культурні особливості українського суспільства і можливості їх використання для соціально-економічного розвитку [Електронний ресурс] : наук. доповідь / О.П. Шестаковський, Є.В. Білоус ; за ред. О.М. Балакіревої ; НАН України, ДУ “Ін-т екон. та прогноз. НАН України”. — К., 2015. — 36 с. — Режим доступу : http://ief.org.ua/wp-content/uploads/2015/01/Dop_Balakireva2015W.pdf.

Головаха Є. Модернізація й зміна системи цінностей в українському суспільстві / Є.І. Головаха // Економіка і прогнозування. — 2013. — № 1. — С. 130–131.

Дробижева Л.М. Возможность совместимости гражданской и этнической идентичности / Л.М. Дробижева // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформаций. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2007. — С. 115–127.

Коваліско Н. Соціальна ідентичність як чинник соціальної стратифікації / Н. Коваліско // Соціальна психологія. — 2006. — № 4. — С. 94–106.

Коржов Г. Территориальные идентичности: концептуальные интерпретации в современной зарубежной социологической мысли / Г. Коржов // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 3. — С. 107–124.

Лібанова Е. Ціннісні орієнтації та соціальні реалії українського суспільства / Е.М. Лібанова // Економіка України. — 2008. — № 10. — С. 120–136.

Магун В.С. Жизненные ценности населения: сравнение Украины с другими европейскими странами / В.С. Магун, М.Г. Руднев // Вестник общественного мнения. — 2007. — № 3. — С. 21–34.

Макеєв С.А. Соціальні ідентифікації та ідентичності / Макеєв С.А., Оксамитная С.Н., Швачко Е.В. — К. : Ін-т соціології НАН України, 1996. — 185 с.

Пелагеша Н. Україна у смислових війнах постмодерну: трансформація української національної ідентичності в умовах глобалізації / Пелагеша Н. — К. : НІСД, 2008. — 288 с.

Распутывание связей между культурой и институтами на примере эмансипации человечества / [Вельцель К., Инглхарт Р., Александер Э., Понарин Э.] // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2012. — № 15(4). — С. 12–43.

Рушійні сили небажаних реформ: уроки українського перехідного періоду / [Володимир Дубровський, Януш Ширмер, Вільям Грейвс-Третій, Євген Головаха та ін.] // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2010. — № 1. — С. 106–127.

Савельєв Ю.Б. Участь як прояв соціального включення в процесі модернізації: Україна в європейському контексті (1999–2010 роки) / Ю.Б. Савельєв // Український соціум. — 2013. — № 2 (45). — С. 77–98.

Савельєв Ю.Б. Емансипаційні цінності і толерантність в контексті модернізації українського суспільства / Ю.Б. Савельєв // Український соціум. — 2015. — № 1. — С. 68–81.

Савельєв Ю.Б. Суперечності концепції соціального виключення і включення: вплив соціально-політичного дискурсу на соціологічні теорії / Ю.Б. Савельєв // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка: Соціологія. — 2012. — Вип. 3. — С. 33–41.

Савельєв Ю.Б. Соціальне включення та ексклюзія як форми взаємодії в суспільстві: евристичний потенціал соціологічних концепцій / Ю.Б. Савельєв // Український соціум. — 2015. — № 4 (55). — С. 61–74.

Ціннісна складова модернізаційних процесів у сучасному соціумі України: [кол. моногр.] / [Балакірева О.М., Гесць В.М., Сіденко В.Р. та ін.] ; НАН України, ДУ “Ін-т екон. та прогнозув. НАН України”. — К., 2014. — 340 с.

Acemoglu D. The colonial origins of comparative development: An empirical investigation / Daron Acemoglu, Simon Johnson, James A. Robinson // *American Economic Review*. — 2001. — Vol. 91 (5). — P. 1369–1401.

Acemoglu D. Institutions as Fundamental Determinants of Long-Run Growth / Daron Acemoglu, Simon Johnson, James A. Robinson // *Handbook of Economic Growth, Volume 1A*, edited by Philippe Aghion and Steven Durlauf. — Amsterdam : Elsevier, 2005. — P. 386–472.

Acemoglu D. Why Nations Fail : The Origins of Power, Prosperity, and Poverty / Daron Acemoglu, James A. Robinson. — 1st ed. — N.Y. : Crown Publishers, 2012. — 544 p.

Alexander J.C. Core Solidarity Ethnic Outgroup, and Social Differentiation: A Multidimensional Model of Inclusion in Modern Societies / Jeffrey C. Alexander // *National and ethnic movements* / ed. by Jacques Dofny and Akinsola Akiwowo. — Beverly Hills, Calif. & London : Sage Publications, 1980. — P. 5–28.

EVS (2011). European Values Study 1981–2008 [Electronic resource]. Longitudinal Data File. GESIS Data Archive, Cologne, Germany, ZA4804 Data File Version 2.0.0 (2011-12-30) DOI:10.4232/1.11005. — Access mode : <http://zcat.gesis.org/webview/index.jsp?object=http://zcat.gesis.org/obj/fCatalog/Catalog5>.

Geertz C. The interpretation of cultures: Selected essays / Clifford Geertz. — N.Y. : Basic Books, 1973. — 470 p.

Inglehart R. Changing Mass Priorities. The Link between Modernization and Democracy / R. Inglehart, C. Welzel // *Perspectives on Politics*. — 2010. — Vol. 8, № 2. — P. 551–567.

Inglehart R. How Development Leads to Democracy: What We Know about Modernization Today / R. Inglehart, C. Welzel // *Foreign Affairs*. — 2009. — Vol. 8, № 2, March/April. — P. 33–41.

Inglehart R. Modernization, Cultural Change and Democracy : The Human Development Sequence / Ronald Inglehart, Christian Welzel. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — 333 p.

International Monetary Fund. World Economic Outlook Database [Electronic resource]. — 2014. — October. — Access mode : <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/02/weodata/download.aspx>.

Kivisto P. Multiculturalism in a global society / Peter Kivisto. — Oxford, UK ; Malden, MA : Blackwell Pub., 2002. — 228 p.

Messner J.J. Fragile States Index 2015 [Electronic resource] / J.J. Messner, Nate Haken, Patricia Taft, Hannah Blyth. — Washington, D.C. : The Fund for Peace, 2015. — Access mode : <http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2015.pdf>.

North D. Violence and social orders: a conceptual framework for interpreting recorded human history / North Douglass C., John Joseph Wallis, Barry R. Weingast. — Cambridge University Press, 2009. — 309 p.

Reevaluating the modernization hypothesis / [Daron Acemoglu, Simon Johnson, James Robinson, Pierre Yared] // *Journal of Monetary Economics*. — 2009. — Vol. 56, № 8. — P. 1043–1058.

Savelyev Yu. Multidimensional Modernity: Essential Features of Modern Society in Sociological Discourse // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. — 2013. — Vol. 6, № 11. — P. 1673–1691.

Savelyev Yu. Modernization and Variations in Emancipative Values in European Societies in 1995–2008: Test of Inglehart’s Socialization Hypothesis [Electronic resource] / Yuriy Savelyev ; Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 48/SOC/2014 SERIES: SOCIOLOGY // Social Science Research Network (SSRN). — 2014. — Access mode : http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2479869##.

Shcherbak A. The Impact of Tolerance on Economic Modernization in a Comparative Perspective / A. Shcherbak // Foresight-Russia. — 2013. — Vol. 7 (4). — P. 6–15.

The Global Competitiveness Index 2007–2008 [Electronic resource] / [Schwab K., Porter M. et al.]. — Geneva : World Economic Forum, 2008. — Access mode : <http://www.weforum.org/pdf/gcr/2008/rankings.pdf>.

Welzel C. The theory of human development: A cross-cultural analysis / Welzel C., Inglehart R., Klingemann H-D. // European Journal of Political Research. — 2003. — Vol. 42. — P. 341–379.